

Симбирский «контекст» поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»

В Симбирск Н. Гоголь собирался приехать дважды: в 1841¹ и в 1850 годах². В начале апреля 1850 года он берет подорожную в Симбирск, о чем сообщает Е. Елагина Н. Языковой. Цели поездки серьезные – увидеть живописные места, изучить жизнь крестьян, «проездиться по Руси». «Ходят слухи, что в Симбирске удивительно как интересно!» - говорит Гоголь Е. Елагиной³. В записных книжках 1846-1851 годов он пишет: «Первою моею заботою по приезде в губернию будет заслужить доверенность благородного симбирского дворянства-с, второю-с пробудить участие к местной жизни, к интересам края, стремление к общественной пользе-с, любовь к своей губернии-с, третье-с моей заботой будет создать законную оппозицию для направления моих действий. Дворянский <...> предводитель есть орган общественного мнения, признанный предводитель мысли всего благородного дворянского сословия» (VII, 380-381).

До 1837 г. интерес Гоголя к Симбирску мог быть рожден рассказами Пушкина о путешествии по Поволжью и на Урал. Кроме того Гоголь был, можно сказать, окружен симбирянами. В 1829 году он посещает в Москве дом А. Елагиной, там бывали многие симбиряне: Языков, Хомяков, Валуев, Самарин, Аксаковы. Именно Аксаков пишет Гоголю: «Вам надо поехать по России <...> заглянуть в глубь ее, в степную и приволжские стороны»⁴. С 1831-1832 года в круг приятелей Гоголя входит П. Анненков, владелец имения в Симбирской губернии. В 1841 году Анненков живет с Гоголем в Риме. «Судя по переписке, - считает краевед Авдонин, - он оказывал помощь Гоголю в отыскании наиболее интересных административных дел и казусов»⁵. Гоголь советует Анненкову «писать записки о русских городах, начиная с Симбирска» (XIII, 363). Гоголь общался со многими выходцами и помещиками симбирской губернии; в разной степени тесно и длительно он общался с А. Тургеневым, И. Дмитриевым, Н. Языковым, И. Гончаровым, В. Пановым.

В 1841 году Гоголь живет с Н.Языковым в Риме. Д. Оболенский, со слов Гоголя, рассказывал об этом: «Ложась спать, они забавлялись описанием различных характеров и засим придумывали для каждого характера соответствующую фамилию...»⁶ Не исключено, что среди последних звучали с подачи Языкова и симбирские имена и фамилии. Из Ганау в сентябре 1841 г. Гоголь выехал в Россию вместе с поэтом и его братом — П.М.Языковым — краеведом и фольклористом, впоследствии выславшим писателю симбирские материалы – статистические, фольклорные, этнографические словарные, бытовые зарисовки. В письме к П. Языкову от 18 мая 1842 года Гоголь спрашивает: «Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок теперь у вас, без сомнения, набралось вдоволь. Велите переписать все, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Никол<аю> Мих<айловичу>, если не поместятся за одним разом, за двумя» (XII, 62). Переписка П. Языкова и Гоголя до нас не дошла, но продолжалась она до 1844 года (VII, 425–426).

Обратимся к «Мертвым душам». Симбирская губерния упоминается в восьмой главе I тома поэмы при описании поведения Чичикова на балу у губернатора. По мнению краеведа П.Бейсова, эта сцена симбирского происхождения. Гоголь мог слышать о таком бале от Пушкина, побывавшего на балу в доме генерал-губернатора Симбирска Загряжского во время своей поездки по Поволжью, о чем сохранились воспоминания симбирян⁷.

Фраза с упоминанием Симбирской губернии при беглом прочтении показывает отношение Гоголя к этому краю как к типичной среднерусской глубинке: «...блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя. Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему произносить в подобных случаях в разных местах: именно в *Симбирской губернии* у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда его дочь Аделаида Софроновна с тремя золовками: Марией Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной» (VI, 170). Далее упоминаются Рязанская, Пензенская, Вятская губернии, Казань, Вологда, Сольвычегодск и т.д., и т.п. Все похоже на Симбирск тем, что Чичиков и говорит

то же самое, и ведет себя так же. В Симбирске все было благополучно: герой не был разоблачен, хотя занимался все той же аферой. Симбирск оказался типично русским городом, «сонным», здесь даже не оказалось Ноздрева и Коробочки, способных разоблачить подлеца, поэтому эти города остались в предыстории.

П. Бейсов считал, что имя Беспечного симбирское⁸, но судя по архивным данным, такой фамилии в Симбирской губернии не числится. Скорее, это имя несет иную нагрузку, характеризующую: Софрон(ий) – «здравомыслящий» (по словарю имен), «простак» (в записной книжке Гоголя) — входит в явное противоречие с фамилией.

Взгляд Гоголя на Симбирскую губернию, в отличие от пушкинского в «Капитанской дочке», более однозначен, и упоминается она только один раз, и до 1842 года включительно Гоголь в Симбирске не был.

Однако есть другой смысловой пласт и более конкретный, что позволяет говорить о том, что Гоголь много знал о Симбирске.

Так, Симбирск был городом невест, и этот факт нашел отражение в поэме. Из контекста видно, что упоминание связано с любовным мотивом. Топоним дается буквально в соцветье женских имен, однако все эти женщины лишь перечислены и словно на одно лицо. Дальше ярких имен Гоголь не идет. Любопытно при этом, что все названные Чичиковым женские имена начинаются с - ад. Аделаида начинает и Адельгейда замыкает это перечисление. На наш взгляд, это соответствовало замыслу показать в I томе поэмы ад русской жизни. Женские образы в этом замысле также «адская» составляющая. Они заметно принижены по сравнению с образом блондинки из города NN. Симбирянок Чичиков запомнил, но не был готов к тому, чтобы думать тогда о женитьбе. Город NN сделал его помещиком средней руки, а блондинка чуть не совершила в нем душевный переворот. И из-за нее тоже Чичиков остается в городе. Ей он говорит то, что говорил симбирянкам, вспоминая об этом в момент взлета, на несколько минут обратившись в поэта. Этот момент становится переломным в жизни героя. После него положение «мыслей и духа его <...> беспокойно <...>. Неприятно, смутно

было у него на сердце, какая-то тягостная пустота образовалась там» (VI, 174), словно здесь уже должно было начаться перерождение героя.

Мимолетное, но развернутое упоминание о Симбирской губернии говорит о том, что остановка на этом топониме не случайна. Вероятно, сказались сведения о городе, полученные от симбирян. Писатель слышал о Симбирске от людей поэтически одаренных, поэтому он (в силу интуиции) точно угадал «нутро» города невест и беспечных процветающих в Николаевскую эпоху дворян-помещиков и в одном предложении передал его в I томе поэмы. Не случайно Н. Языков спрашивает в письмах сестру, что именно в Симбирске говорят о «Мертвых душах».

Во II томе поэмы Симбирск не назван, но поволжская стихия господствует. Действие II тома поэмы происходит в глубинке. Упомянутые в I томе поэмы топонимы, яркие слова, имена, прозвища служат завязкой какого-либо мотива дальнейшего повествования. Например, упоминание о Рязанской губернии, где впоследствии орудует шайка Копейкина. Беспечный ассоциируется с Хлобуевым. Есть намеки на волжский материал в тексте, например, «нижегородская ворона». Исследовательница Ю. Ковалева пишет: «Изображая этот город и окружающую его губернию, писатель стремился в первую очередь отразить типичные черты глубокой российской провинции, а не специфические черты какой-либо местности. Но если в I томе используются более нейтральные в краеведческом плане заметки (клички собак, названия блюд), то во II томе дан более конкретный материал, очевидно широкое использование записок о жизни Поволжья, изображаемый здесь край наделен чертами Симбирской губернии, а центр его, город Тьфуславль, в процессе работы нередко ассоциируется в сознании писателя с Симбирском»⁹.

С этим утверждением полностью согласиться нельзя, поскольку Тьфуславль – город пустой славы, город-торгаш, трансформация ранее упомянутого Торжка. Название точно исчерпывает суть города. Крупными торговыми центрами в Поволжье были Макарьев, Самара, Нижний Новгород – прототипы Тьфуславля.

Лик Симбирска в 1-й половине XIX века был несколько иным. В отношении Симбирска можно было бы использовать эпитет, данный Гоголем симбирскому дворянству – «благородное». По мысли И. Золотусского (симбирянина по рождению), город II тома должен был быть на порядок выше города I тома, там должны были пересекаться пути людей, движущихся к нравственному очищению, что мы отчасти видим, но Тьфуславль не дан еще как светлый город. «Благородный» Симбирск мог стать прототипом города-персонажа III тома, если бы Гоголь побывал в нем. Именно Симбирск называли «дворянином на Волге», а николаевское время – пора его процветания¹⁰.

Ю. Ковалева считает, что поволжским и симбирским материалом навеяны описания раздолья, просторов, гуляние по реке в имени Петуха, где река, по всей видимости, Волга, деятельность Муразова и Костанжогло. Основная функция «поволжского элемента - помощь писателю в воплощении мечты о мире больших человеческих возможностей»¹¹.

Ульяновские краеведы (Бейсов, Рассадин) говорят о возможной роли симбирского материала в описании имени и образа Тентетникова, включая имя героя. Не случайно фамилия «Тентетников» упоминается Гоголем в записных книжках 1841-1844 годов сразу после размышлений писателя о том, что ему следует сделать первым делом по приезде в Симбирскую губернию (VII, 380-381). Известный исследователь топонимов Ульяновской области В. Барашков отмечал наличие в названии деревни «Теньковка», поныне существующей недалеко от Языкова, фамильную основу¹².

«Гоголь, - пишет Осокин, - явно использовал рассказы Н. Языкова о его симбирском поместье: достаточно побывать в Языкове, чтобы убедиться, сколь точно при описании усадьбы Тентетникова изображены тамошние меловые горы и вообще вся захватывающая дух панорама»¹³. Тентетников живет в горах. Горы действительно располагаются между Самарой и Симбирском. О них Гоголь мог слышать от Пушкина: поэт выехал из Симбирска по правому берегу Волги, ехал «горами», не мог «взъехать» в гору, что побудило его вернуться и ехать другим трактом в Оренбург и стало одним из сильных впечатлений¹⁴. «...Среди сведений,

переданных Гоголю П. Языковым о Поволжье и занесенных Гоголем в записную книжку, есть описание тех самых растительных и геологических пород (песчаника и известняка) с Жигулевских гор, которые придали потом свой колорит доминирующему во второй части (поэмы – Т.Д.) речному пейзажу» (VII, 405). Кроме того, в первой редакции заключительной главы есть персонаж Дерпенников (VII, 262), на определенное, хотя и не полное сходство которого с Тентетниковым указывают комментаторы; у нас эта фамилия ассоциируется с Дерптом, а Н. Языков был студентом Дерптского университета.

История любви Тентетникова и Уленьки, последовавшей, согласно замыслу, за ним в Сибирь, напоминает нам отношения К. Ледантю и декабриста В. Ивашева и П. Гебль и И. Анненкова, биографически связанных с Симбирском.

Список симбирских мотивов II тома поэмы продолжает описание имения В. Платонова (Бейсов считал, что его прообразом послужило село Чириково) и деятельность Муразова и Костанжогло. Их общим прототипом был известный в России откупщик – грек Д. Е. Бенардаки, личность неординарная, тоже связанная с Симбирском.

В заключении подчеркнем, что Симбирская губерния много раз упоминается в записных книжках Гоголя 1841-1844 годов: шишига – чорт в Симбирской губернии, ерилка – крестьянская ярмонка в Симбирской губернии, деревня Жаровка Корсунского уезда Симбирской губернии, мукомольные мельницы по рекам Симбирской губернии - Свияге, Барышу, Сызрани, Черемшану, Майне, пристань Промзино, откуда хлеб везут в Нижний, из Симбирской губернии вывозится много деревянной посуды, оконниц со стеклами в Оренбургскую, в Симбирской губернии попов называют дурья порода, а одного немца называли Тараканьими мощами (VII, 318, 325, 333, 336, 341, 342, 380). А это свидетельствует о том, что в общем интересе Гоголя к подробностям российской жизни вдалеке от столиц, питавшем его работу над продолжением поэмы, Симбирская губерния занимала видное место.

-
- ¹ В августе 1841 г. Гоголь собирается проводить до Симбирска из Ганау больного Языкова.
- ² Письмо Е. Елагиной Н. Языковой от 25 марта 1850 г. (*ОПИ ГИМ*. Ф. 178. Ед. хр. 35. Переписка из архива Хомяковых. Л. 32).
- ³ Там же.
- ⁴ *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1890. С. 65 (выделено нами. — *Т.Д.*).
- ⁵ *Авдониин А.* Пушкин и Симбирский край. Саратов, 1987. С. 34.
- ⁶ Цит. по: *Вересаев В.* Гоголь в жизни. М., 1990. С. 345.
- ⁷ *Бейсов П.С.* Гоголь и Симбирск. // Ульяновский комсомолец, 1952, 5 марта.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Ковалева Ю.* Данные Поволжья в истории замысла «Мертвых душ» // Роль Поволжья в развитии отечественной литературы и фольклора. Кострома, 1988. С. 15.
- ¹⁰ *Золотусский И.П.* Поэзия прозы. – М., 1987. С. 72.
- ¹¹ *Ковалева Ю.* Указ. соч. С. 15.
- ¹² *Барашков В.* По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994. С. 90.
- ¹³ *Осокин В.* Пермские чудеса. М., 1977. С. 94; эту же версию выдвигает и А. Рассадин в начале 80-х годов (*Рассадин А.П.* «Из рода Обломовых...» // Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения Гончарова. Ульяновск, 1993. С. 155-158).
- ¹⁴ *Сукайло В.А., Беспалова Е.К.* Симбиряне в жизни и творчестве Пушкина. Хроника. Ульяновск, 2001. С. 328.